

Лаврентьев Максим Владимирович

канд. юрид. наук, доцент

ЧУОО ВО «Саратовский медицинский университет РЕАВИЗ»

г. Саратов, Саратовская область

**«СЕМЕЙНАЯ ГРУППА» В ИСПРАВИТЕЛЬНОМ ЗАВЕДЕНИИ
ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ «МЕТТРЭ»
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ В XIX В.**

Аннотация: статья посвящена исправительно-воспитательному заведению «Меттрэ», организации специализированного воспитательного средства «семейная группа». Рассказывается об устройстве «семейной группы», ее составе, управлении, воспитании, обучении юных правонарушителей в режиме «семейной группы».

Ключевые слова: Франция, XIX век, несовершеннолетние правонарушители, французские исправительно-воспитательные заведения, Меттрэ, исправительная колония, пенитенциарная педагогика, семейная группа.

Развитие учения о несовершеннолетних преступниках и попытки спасти их от тюрьмы и рецидива, в 30–40-х годах XIX века в Западной Европе привели к созданию специализированных исправительно-воспитательных заведений для несовершеннолетних правонарушителей – ремесленных приютов в крупных городах и земледельческих колоний в сельской местности.

Во Франции в 1839 году два филантропа – Фредерик-Огюст Демец и де Куртейль в 1839 года организовали, при содействии «Отеческого общества» земледельческую колонию «Меттрэ» [6; 7]. Колония была открыта близ города Тура, для этого де Куртейль отдал одно из своих земельных владений [1, с. 84].

При организации колонии встал вопрос об устройстве малолетних арестантов. Можно было бы организовать одиночное заключение для юных правонарушителей, можно было бы организовать взвода, роты и батальоны, как во французской армии, но Демец решил пойти по новому неизведанному пути –

организовать из юных нарушителей закона «семейные группы» или «семейства».

Демец разделил «колонию Меттрэ на отдельные группы, которые он назвал семействами. Семейство состоит из 40 детей и составляется из лиц более или менее одинакового характера и способностей» [1, с. 98]. Это же отмечал и российский исследователь А. Артемьев: «все питомцы разделены на так называемые семьи, по 40 человек в каждой. Семьи отличаются одна от другой буквами алфавита: семья «а», семья «б» и др.» [2, с. 322]. Еще одной причиной разделения на семьи было то, что «дети, им доверенные, (Демецу и Куртейлю – М.Л.) большею частью или не имели вовсе семьи, или же имели такую, которая не выполняла своих обязанностей по отношению к ним. Нужно было создать семью для первых и заменить другую для вторых» [3, с. 160].

При разделении на семьи Демец скорее всего исходил из принципа, что при «распределении следует обращать внимание и на однородность состава групп, соображаясь с летами, нравственностью и способностью детей к исправлению» [4, с. 191]. Демец ждал от содержания малолетнего правонарушителя в колонии, что колония «прежде всего должна заменять ребенку семьи, она должна внести в его воспитание некоторую мягкость, некоторую теплоту и снисходительность, которые бы приготовили натуру ребенка к восприятию добрых чувств» [5, с. 47]. По мнению дореволюционного российского исследователя А.Ф. Кистяковского «...бездушие, формальное отношение к субъекту воспитания, отсутствие снисхождения, словом так называемое казенное отношение к ребенку, губительно действует на воспитание вообще; они следовательно должны быть изгнаны из системы воспитания малолетних преступников, если желают, чтобы она принесла добрые плоды. Только всепрощающий, теплый и зоркий дух семейного воспитания в состоянии совершить нравственное преобразование испорченного дитяти. Эти то мысли и положены в основание земледельческих колоний» [5, с. 47].

Демец должен был также учитывать и особенности своих воспитанников: «он находил полезным соединять в одном и том же семействе воспитанников

характеров живых, подвижных и раздражительными с воспитанниками характеров спокойных и флегматических, например, мальчиков из Парижа, Прованса, Лангедока с бретонцами и нормандцами» [10, с. 44 – 45].

После того как юный правонарушитель попал в «Меттрэ», его приводили, с учетом всех его особенностей, в «семейную группу». Термин этот условен, все полностью эту группу воспитанников назвать «семьей» нельзя. «Каждое семейство, состоящее из сорока детей, находится под непосредственным надзором главы семейства. Он назначается директором заведения. В распоряжении главы семейства состоят: помощник и два старших брата» [8, с. 68]. Интересно, что глава семейства носил титул «шеф», помощники его были – «сушефы». «Шефу» «поручается воспитание детей. Он заботится, под руководством наставника, об элементарном образовании их. На нем также лежит обязанность снабжать их одеждой, пищей, распознавать их наклонности, исправлять их недостатки: словом, он есть отец семейства и должен исполнять это назначение подобным образом, как поступает истинный отец относительно своих детей» [8, с. 70].

Кроме того, глава семейства отвечал за имущество дома, постоянно жил вместе с детьми, присутствовал при занятиях «колонистов»; сопровождает их при гуляниях, наблюдает за чистотой и порядком дома; определяет наказания за незначительные проступки; посещает содержащихся в кельях и больных не менее двух раз в неделю; наконец, о все этом представляет отчет директору колонии» [8, с. 70].

Вторым по значению в семействе, кроме помощника, был «старший брат». «Старший брат избирается самими детьми из своей среды посредством тайной подачи голосов» [8, с. 71]. «Старший брат» избирался на месяц, с одобрения директора колонии. Достигнуть этой должности можно было только при наличии записи на почетной доске, при наличии определенных наград. Как только месяц проходил, «старшего брата» могли вновь избрать на эту должность. «Старший брат» «оказывает деятельное содействие отцу и помощнику его в наблюдении за поведением молодых колонистов; однако же он не вправе при-

суждать их к наказаниям; ему дозволяется только отмечать неодобрительные действия каждого из них» [8, с. 71]. Последняя обязанность «старшего брата» весьма неоднозначна; он как бы противопоставлял себя остальной группе воспитанников.

«Семейные группы» жили изолированно друг от друга. «Отдельные члены разных семей сталкиваются только на полевых работах, в мастерских, но при известной бдительности со стороны дядек и мастеров они лишены возможности общения» [2, с. 323]. Это было весьма распространено в исправительных заведениях Западной Европы: разобщенность семейств препятствовало совершению побегов из колонии. «Что касается отдыхов, прогулок, принятия пищи – все это каждая семья совершает отдельно со своим дядькой. На работы, с работ, на обед и прочее – питомцы ходят молча, в строю с дядькой». В «Меттрэ» в ходу была военная дисциплина. «Это имеет свои достоинства, внося всюду порядок и правильность, но уж очень напоминает военную дисциплину» [2, с. 323]. Российский исследователь отметил также, что «вообще в колонии постановка дела на военную ногу дает себя чувствовать на каждом шагу и даже в мелочах. Например, переход от одних занятий к другим возвещается не звонком, как у нас, а военным рожком, и пр.» [2, с. 323].

Такая постановка дела на военный лад была, по всей видимости, введена де Куртейлем – военным в отставке.

«Шеф» или глава семейства не покидал воспитанников даже ночью: «к зале примыкает небольшая ниша (альков), закрытая от глаз посетителя занавеской, из-за которой удобно наблюдать, оставаясь незамеченным. В ней ночует глава семейства» [8, с. 68].

Единственным днем, когда все «семейные группы» соединялись вместе, было воскресенье. Сначала все шли в церковь, расположенной прямо от ворот колонии (дома семей стояли по обе стороны дороги от ворот к церкви), а затем устраивалось совместное собрание всей колонии, под председательством директора. «В этом собрании директор читает громко отчеты, представляемые каждым отцом семейства о поведении вверенных ему детей в течение истекшей

недели, причем он произносит похвалы и порицания, раздает награды, назначает наказания, это есть как бы обзор всей деятельности колона за истекшую неделю, и директор пользуется всеми событиями и обстоятельствами, представляющимися ему, чтобы напомнить колонам об их обязанности, поощрять их усердие и возбуждать в них добрые чувства и стремления» [1, с. 101]. Демец, как многолетний директор колонии (он возглавлял ее с 1839 по 1873 годы, вплоть до своей смерти), уделял большое внимание этим еженедельным собраниям и, по возможности, сам вел их.

Деление на отдельные группы воспитанников и исправление несовершеннолетних правонарушителей в «семейных группах» вызывало противоречивые отзывы. А. Артемьев, посетивший колонию в конце XIX в. писал: «но напрасно вы будете искать в этих группах питомцев хотя бы отдаленного намека на то, что мы привыкли называть семьей. Нет ничего похожего на семью ни с внешней стороны, ни с внутренней. При одинаковости возраста питомцев, приблизительно одинаковости их физического развития, вы встретите страшную разницу между всеми детьми в темпераментах, наклонностях, привычках, в характере и в степени испорченности. Все члены этой искусственной семьи смотрят врозь. Возможность отсутствия влияния более испорченных элементов на менее испорченных почти ничем не обеспечена» [2, с. 322]. Все же российский исследователь не вполне прав: воспитанники в составе «семейных групп» исправлялись, методы воспитания трудом давали свои результаты.

В заключение, можно привести известного российского дореволюционного ученого, профессора С.В. Познышева: «семейный режим» достигает в ней (в «Меттрэ» – М.Л.) своего полного выражения, и с этой стороны она представляет, несомненно, большой интерес» [9, с. 91]. Конечно, «семейная группа» не была идеальным методом исправления юных правонарушителей в «Меттрэ», но все же на тот момент это было лучшее средство.

Список литературы

1. Альбицкий Е. Исправительно-воспитательные заведения для несовершеннолетних преступников и детей брошенных в связи с законодательством о принудительном воспитании / Е. Альбицкий, А. Ширген. – Саратов, 1893.
2. Артемьев А. О Мэттрейской колонии / А. Артемьев // Тюремный вестник. – 1895. – №6.
3. Богдановский А. Молодые преступники. Вопрос уголовного права и уголовной политики / А. Богдановский. – СПб., 1871.
4. Гундеггер М. Несовершеннолетние преступники во Франции / М. Гундеггер // Тюремный вестник. – 1905. – №3.
5. Кистяковский А.Ф. Молодые преступники и учреждения для их исправления / А.Ф. Кистяковский. – Киев, 1878.
6. Лаврентьев М.В. Воспитание и обучение несовершеннолетних правонарушителей во французской земледельческой колонии Меттрэ (вторая половина XIX в. – начало XX в.) / М.В. Лаврентьев, А.В. Косырев // Социально-педагогические вопросы образования и воспитания : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 18 февр. 2021 г.) / редкол.: Ж.В. Мурзина [и др.] – Чебоксары: ИД «Среда», 2021.
7. Лаврентьев М.В. Методы воспитания трудом несовершеннолетних преступников во французской земледельческой колонии Меттрэ (вторая половина XIX в. – начало XX в.). / М.В. Лаврентьев, А.В. Косырев // Педагогика, психология, общество: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 30 июня 2020 г.). – Чебоксары: ИД «Среда», 2020.
8. Ламанский Н. Тюремное заключение во Франции. Исправительные заведения и земледельческие колонии для малолетних преступников / Н. Ламанский // Юридический вестник. – 1862. – Вып. 24.
9. Познышев С.В. Детская преступность и меры борьбы с нею / С.В. Познышев. – М., 1911.

10. Чистяков М.Б. О нравственно-исправительных заведениях в Гамбурге, Бельгии, Франции и Швейцарии (Из путешествия в 1866 г.) / М.Б. Чистяков. – СПб.: Печатня В. Головнина, 1868.